

**Сергей
Мочалов**

**СЛЕДЫ
ТАНЦУЮЩЕЙ
МУЗЫ**

Сергей Мочалов

Следы Танцующей Музы

«Издательские решения»

Мочалов С. В.

Следы Танцующей Музы / С. В. Мочалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839048-7

В основе всякого искусства Должна быть Муза. У поэта она особая, Как Солнце, что неподвластно никому! Она, как тайна вечной жизни; Источник сладостной печали...

ISBN 978-5-44-839048-7

© Мочалов С. В.
© Издательские решения

Содержание

«Куда улетают птицы...»	7
«Разве можно любить богиню?..»	8
Ночью	9
Стрелы	10
Останови, – секунды!	11
«Ночь и звезды, ...»	12
«Вкуси со мной нектар богов...»	13
Парис убивает Ахилла	14
«Где страсть, – безумие...»	15
Первая песня Орфея	16
Молитва Медеи	17
Из края темного неба	19
Браслет Медеи	21
«Вспышка света, – и нет больше мира!..»	22
«Госпожа, вас искали слуги!..»	23
Зимняя сказка	24
Тайна бытия	25
«Эхо! Эхо! Ах, зачем ты полюбила...»	26
О том, как вы прекрасны	27
Песня Адама	28
Последние мрачные сны	29
Сон китов	30
Цветы осени	31
Орифии	32
«Белокурый эллин пел вам страстные песни...»	33
Песня для Эвридики	34
Нить Ариадны	35
К звездам	36
Знак ангела Лаинаэля	37
«Над гладью воды ваши шаги...»	38
Шепот наяд	39
Не бойся, огня!	41
Страдания Пигмалиона	42
Гармония	43
Гемон	44
Актеон	45
Голос ундины	46
На кончике языка	47
Моей Афродите	48
«Вы так прекрасны! Так жестоки...»	49
«Я глаза опускаю, не в силах смотреть, ...»	50
«В храме Афродиты сладострастной...»	51
Эндимион	52
Ослепший Эдип	53
Сны и наказания	54
Потоп	56

Песни пробуждения	57
«О Галатея, – аромат тепла и страсти...»	58
«Мои шаги тихи, неслышны...»	59
Дождь и ваши улыбки	60
«Будьте моей Эвридикой...»	62
Ночное море	63
Парис, зовущий смерть	65
«Никто мне так не улыбался...»	66
«Как украсть мне ваше сердце?...»	68
«Гордись, жестокий бог любви...»	69
В безумном страшном сне	70
Корабль	71
«Поэт приходит в мир с душою обнаженной...»	73
Никта	74
Потерянный рай вашего взгляда	75
Пляски под Луной	77
«Дымный тонкий аромат от ее манящих пальцев...»	78
Убегающая Дафна	79
Под сенью ваших белоснежных крыл	80
«Моя звезда зажжется вскоре...»	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Следы Танцующей Музы

Сергей Васильевич Мочалов

© Сергей Васильевич Мочалов, 2017

ISBN 978-5-4483-9048-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Куда улетают птицы...»

Куда улетают птицы
Из тонких плетенных клеток?
Им смотрят вослед царицы
Сквозь танцы спутанных веток.

Вздыхают нежные руки,
И волосы ветром вьются...
А там, – небесные звуки
Зовут, чуть слышно вернуться.

Но окна ночью открыты;
И взоры, как дымка рассвета.
Куда улетают птицы
От слишком яркого света?

Вы скажите, – да... я знаю!
Дрожат тихо-тихо шторы...
И я ведь, верно узнаю,
Во льдах серебристые горы...

И голос неба манящий;
И осторожные ласки;
И колокольчик звонкий
Из не рассказанной сказки?

Куда улетают птицы
Из рук слишком слабых и нежных?
Я вижу ваши ресницы
Печальных снов белоснежных.

Не горько... не сладко... Тихо!
Под шепот дождя и света,
Когда улетают птицы
В края бесконечного лета.

«Разве можно любить богиню?..»

Разве можно любить богиню?
Можно ей лишь тихо молиться.
И желать, подобно безумцу
Целовать след ее каблучков;
На заре шептать ее имя,
И смотреть в бездну глаз небесных;
И терять, – дарить свою душу
Блеску страстных ее зрачков.

Разве можно к ней быть ближе Солнца,
Что ласкает ее на рассвете?
Но желать ее благого взора
В коем души тысяч рабов!
И служить ей рабом и героем;
Песни петь о восторге и счастье
Что пронзает иглою сердце
От ее едва слышных шагов.

Разве можно любить богиню?
Пусть ослепну от этой пытки!
Пусть, я стану лишь крохотным взрывом
На ее совершенном пути.
Но не в силах я прекратить
Этой, – пусть нелепой, – попытки
И за нею, как жрец ее... света
Буду я постоянно идти.

Ночью

Закройте черные шторы
И потушите свет...
Поверьте, ночью так тихо,
Потому что далек рассвет.

На небе Луна сияет
И нет совсем никого,
Но даже она не знает
Как ночью бывает темно.

Пусть тьма вам служанкой служит
И сладкие песни поет;
И голову в танце закружит;
И тихо вдаль позовет.

А там лишь морозный воздух,
Пьянящая светлая тишь.
И снег летает... летает,
Как будто, – уже не спишь.

Стрелы

Черный волк голодный
С сердцем, полным крови, —
Красной и горячей, —
Воет на Луну.
Разве вы не знали
Как бывает горек
Холод и уныние,
Вложенный в стрелу.

Лучники рассвета
И Эрот безумный,
Просто беспощадны
К темным миражам.
Ах, но что вам холод
И мои безумства,
Отданные в пытках
Странным сторожам?

Черный волк уставший
Приютился в бездне,
К теням прислонился
Ваших теплых рук.
Разве вы не знали,
Как бывает сладок
Зов холодной крови
И желание мук.

Но охотник темный, —
Аполлон горячий
Солнца повелитель,
Видит мир насквозь,
И приходит ночью
К тем, кто ищет слово
Для страстей и пыток
Страшный бледный гость.

Останови, – секунды!

Дай мне, – ее руки!
Дай мне, – ее губы!
Дай мне, – коснуться плоти
Тысячей долгих ночей!
Дай мне, – тепло ее сердца
Крови моей безумной,
Словно огонь и жажда
Капает воском свечей.

Дай ей, – мое тело!
Дай ей, – мою душу!
Кровью омой ее губы, —
Кровью моей души!
Дай ей, – мое Солнце!
Дай ей, – мое спасение
Голосом ее сладким,
Словно грозю в тиши!

Останови, – секунды!
Вечностью сделай, – минуты!
Ангелом ясного неба
Позволь ее святости петь.
И воскрешая сердце,
И воскрешая душу...
Ответь, если то возможно
Сколько же можно терпеть?!

«Ночь и звезды, ...»

Ночь и звезды, —
Вы прекрасны!
Я желал бы вас увидеть
Невозможной и чудесной
В каждом облике Луны.
Мне печально, но спокойно...
Я привык к такой печали.
Я, – изгнанник вечный призрак,
Я иду путями скорби
Из любой своей страны.

Все чужие! Все чужое!
Для меня не приготовил
Бог ни ложа, ни покрыва, —
Саван ночи мой покров.
Я иду, роняя слезы...
Надо мной утихли грозы,
Сердца моего не примет
Ни один надежный кров.

Но пустыня... Но в пустыне
Буду помнить ваше имя!
Мне я знаю. Мне, – я знаю, —
Никуда не убежать.
Я изгнанник безутешный...
Ночь и звезды, —
Вы прекрасны!
Черным псом и темным мраком
Мне у ваших ног... дрожать.

«Вкуси со мной нектар богов...»

Вкуси со мной нектар богов
Амброзии благоуханной,
И в легкой тишине шагов
Заставь почувствовать тепло.
Такой приятный пряный дым...
И ветер снов, – такой желанный.
И я смотрю! Смотрю, на вас!
И небо будто бы стекло.

А в нем, – а в нем кружатся звезды
Калейдоскопом разноцветным;
И в ноги падают вам светом,
И этот свет... такой живой!
Я помню этот яркий свет
Перед сияющим рассветом,
Когда я верил лишь в любовь,
И словно, были... вы со мной.

Такие, тихие объятия!
Такие, нежные оковы,
Ресниц порхающих, как крылья
Во взглядах теплого костра.
Вкуси со мной нектар богов
Амброзии благоуханной.
О, будь как лезвие клинка, —
Невероятна, и остра!

Парис убивает Ахилла

Что ж, плачь любимец Афродиты
За все приходится платить.
И руки, что ее ласкали...
Пора уж кровью обагрить.

Пусть ты безжизненный и слабый
Пред взором брата своего;
Давно стрела твоя готова
Для главного врага его.

Одну пяту не защитила
Его божественная мать...
Увы, всех смертных ждет могила, —
Всем нам когда-то умирать.

Пусть он победами гордился;
Кричал пред всеми: «Я, – герой!»
Но перед слабым ли склонился
Своею светлой головой?!

И всем отмщение! Всем награда?!
Не стоит выть, или рыдать.
Елена тоже будет рада,
И будет смерти моей ждать...

«Где страсть, – безумие...»

Где страсть, – безумие,
Там рушатся все грани:
Добро и зло?
Всего лишь дым, мираж!
У разворошенной огнем
На сердце раны
Ни станет ни один
Небесный светлый страж.

Прольется дождь
Огня и красной крови.
Жизнь, – оборвется?
Или в вихре воспарит!
У нашей роли
Нет ни капли боли, —
Хотя быть может,
Только боль из нас творит.

От бездны, – протянулись
Руки к свету!
Но там где муки,
Будет и тепло.
Ведь неспроста молюсь вам,
Как рассвету.
Смотрю вослед...
И через мутное стекло.

Первая песня Орфея

Подарил мне Аполлон свою кифару,
Чтобы я играл для Эвридики;
Чтобы слаще пели мои струны
Сын Киприды в них вдохнул безумие страсти.

И любовь водила мои пальцы
Золотыми струнами рассвета.
Я играл, – и радовалось Солнце...
И звучали мои песни в небе.

И вздыхал Киприды сын беспечный
Слушая мелодии восторга,
Что играло на кифаре мое сердце
Эвридике и всей жизни спящей.

Рано утром мои звуки зазвучали.
И деревья, и цветы за мной ходили;
И шептали реки, водопады и ручьи
О страсти моей светлой.

И слышала мой голос Эвридика,
И наполнило ее мое желание
Глубиной чувственных иллюзий, —
И она... Она не устояла!

Молитва Медеи

Бледноликая Селена
Черноокая Геката,
Поклялась я своим сердцем!
Поклялась своей душой!
Пусть не будет мне прощения
Пусть Эринии терзают,
Мое сладостное тело
Лишь быть всегда с тобой!

О, пускай узнает небо!
О, пускай узнают звезды!
Как ты светел,
Как прекрасен
Мой возлюбленный Ясон,
Страсть безумная пронзила
Мои губы... мои руки.
Это просто нереально, —
Это сон!

Не ужасные знамения, —
Громы, молнии... туманы,
Меня плакать не заставят.
Лишь сильнее тебя любить!
Только горе, только горе...
Только горе и обманы, —
Не смогу тебе, мой милый...
Не смогу тебе простить!

Стану камнем и стрелою!
Поражу врагов всех в сердце.
Плоть твою от моей плоте
Я Гекате отдаю.
Но тебя... тебя мой милый,
Я не трону. Я, — не трону!
Пусть мне больно до безумия,
Только я тебя люблю.

Бледноликая Селена
Черноокая Геката,
Получите как награду
Чистую слезу и кровь.
Лишь оставьте мне навечно,
Лишь оставьте мою муку, —
Мою муку и желание,
И в холодном ныне сердце

Ярость страсти и любовь!

Из края темного неба

В той стране, где не светят звезды;
Где не видно совсем Луны
Жил-был карлик влюбленный в осень,
И в свои печальные сны.

Целовал он желтые листья,
Что упали к его ногам;
И рыдал ночами... капризно;
И молился странным богам.

И он верил, что слышат боги,
И его одного в небе ждут, —
Все дороги... все в мире дороги
В новый мир его приведут.

Он любил забираться в горы,
И подолгу смотрел в небеса.
Облаков чудные узоры
Развивали его волоса.

Жил-был карлик в огонь влюбленный, —
Его редко он видел вдали;
И мечтою своей окрыленный
В небе он представлял корабли.

Представлял себя стройным, высоким...
Далеко, неизвестный свет
Будто тушит кто-то далекий,
Только в мир приходит рассвет.

Где-то там на горе высокой
Стоял замок вечерних звезд;
И в саду его королева
Собирала букет из роз.

Каждый день он горел ярким светом
И кидал лучи сквозь туман.
Но с рассветом, — с новым рассветом
Превращался в пыль и обман.

Только карлик смеялся звонко.
Что он мог о прекрасном знать?
Ему было печально и горько.
Что умел он? Только рыдать!

И когда окончились слезы
Он с горы высокой упал.
Стали белыми яркие розы, —
Он огонь их навеки украл.

Не пришла больше в сад королева,
И никто не тушил зари,
Но из края темного неба
Полетели вдаль корабли.

Браслет Медеи

Я как кукла на веревке. Или нет?
О Медея, подари мне свой браслет!
В нем Гекаты капля крови, – яд;
Соблазнительно тревожен взгляд...

О Медея, твои руки, так нежны!
Опьяняют сердце муки ворожбы.
Если был бы я безумен, как и ты
Я дарил бы вам лишь Солнце и цветы.

Если бы я знал, что будет ночь тепла
Я бы вечность оставался у окна.
Я искал название счастью. Счастья, нет?
О Медея, подари мне свой браслет.

Я его своею кровью, напою.
О Медея, я сгораю, – я сгорю!
И никто уж не услышит бред любви...
Разольется яд безумия по крови.

«Вспышка света, – и нет больше мира!..»

Вспышка света, – и нет больше мира!
Вспышка Солнца, – и нет больше глаз!
Меня нет, – я не существую
В одиночестве песен о вас.

Свет небес, – так, словно вы рядом!
Свет чудес, – так, как будто мы спим!
Я лишь тень вашим вскрытая взглядом,
Словно в нем вижу Господа с ним.

Тьма ночей, – и вы так прекрасны;
Блеск свечей, – и вы так нежны...
Быть не могут молитвы напрасны,
А слова восхищения... смешны!

«Госпожа, вас искали слуги!..»

Госпожа, вас искали слуги!
И так ярко светила Луна...
Вы гуляли в саду уснувшем, —
Вы гуляли в саду не одна.

Я смотрел через вас и ветер,
И мечтал о ваших губах
Взор ваш был загадочно-светел...
Руки были в моих руках.

Я упал в глаза ваши звездою,
И просил богиню любви
Хоть на миг сжалиться надо мною, —
Растворить меня в вашей крови.

Чтоб горели вы мукой страсти!
Чтоб пылала ваша душа!
Чтобы вы в моей темной власти
Замирали... едва дыша!

Этот вечер. И тихие звуки, —
Песни птиц и мягкой травы;
Так нежны ваши теплые руки.
Так улыбки ваши, милы!

Госпожа, вас искали слуги.
Они вас, никогда не найдут!
Мы на небе станем огнями,
А они нас вдаль уведут.

Хоть останется только слово, —
Пожалей меня, – слышишь, Парис!
Только что же я сделал такого,
Что дрожу, как с дерева лист?!

Зимняя сказка

Ваши руки на коленях.
В зимней сказке, как обычно
Я так мило, – мимолетно...
Встретил вас!
Не узнает даже Господь.
Что там люди? Что там люди?
Что увидел я внезапно
В глубине небесных глаз.

Даже если вы, так тонко,
Вдруг... услышите внезапно
Мой безумный тихий возглас, —
Что подумаете вы?
Невозможно мне очнуться;
Невозможно увернуться.
Вам, так просто отвернуться...
С этой темной глубины.

Вам со мной тонуть
Не к месту?!
Не под стать?! Но ваши губы,
Так нежны... так откровенны, —
Им тепло любой зимой.
Эта сказка льда и снега,
Что убила меня ночью
Вы волшебная, как небо, —
Вы во мне, но не со мной!

Тайна бытия

Есть тайны, скрытые в словах
Которые не произносят.
Они, как море глубоки.
Их только в сердце с болью носят.

В них: нежность; тихая любовь,
Которая кричит стихами.
Их пишет тишина, и кровь
Дыша несложными слогами.

В них вы и силуэт берез;
И ваши сказочные руки;
И капли первых моих слез;
И взоров неземные муки.

Кто их создатель?! Бог и я.
Кто их губитель?! Жизнь и звезды.
И вы, как тайна бытия,
А ваша плоть, – тепло и грезы.

«Эхо! Эхо! Ах, зачем ты полюбила...»

Эхо! Эхо! Ах, зачем ты полюбила
Молодого нежного Нарцисса?
Я ничуть, ничуть его не хуже, —
Как и он мечтателен и тих.
Я ловлю твой страстный сладкий голос
Почему же он в мгновение... затих.

Эхо! Эхо! Как звучит молчание?!
О любви, что знают твои руки?!
Где ты прячешь ночью безутешность
От его забывчивых очей.
Он бы мог тебя увидеть обнаженной,
Но тебе молиться, как богине
В мире этом, так как я не сможет,
Даже тот, кто будет горячей!

Эхо! Эхо! Почему ты мне не скажешь?!
Ведь ему ты так чудесно отвечаешь.
Знаешь каждое его пустое слово,
А моих не хочешь замечать!
Да я очень на него похожий,
Но влюблен не в зеркало, —
Во взгляды... так задумчиво-мечтательны,
Как небо,
И которым... мне не отвечать!

О том, как вы прекрасны

О том, как вы прекрасны знает ветер;
О том, как вы прекрасны знает Солнце;
Поют цветы и травы горних высей
О том, как вы божественно прекрасны!

Восторженно внимают серафимы
Движениям ваших губ, – их страстным песням;
И облака пройдя долины рая
На землю опускаются вам в руки.

Как вы прекрасны, знают океаны;
Моря бездонных ваших глаз небесных
В которых отражается ночами
Луна в венце из сказочных созвездий.

И тьма становится светлее в сердце смертных,
Когда им тайны открываются создания...
На вашем теле пламенных созвучий
Божественно прекрасного рассвета!

Песня Адама

В мою душу Солнце упало!
И в душе моей Солнце пропало!
Стало самой прекрасной девой, —
Самой первой волшебницей Евой.

Стало вашим волнующим взглядом;
Первым яблоком; сладким ядом...
Самым первым чудесным соблазном
И мечтою о чем-то прекрасном.

В моем сердце Солнце уснуло, —
В море глаз навсегда утонуло!
Стало Солнце надеждой святою;
Вашей нежностью, и... красотой!

Последние мрачные сны

Богиня вечных рассветов
Дитя полуночных соблазнов
Желаний острых как бритва
И темных как звездная ночь,
Ответьте! Мои призывы
И хриплый бессвязный голос...
Хотите, – меня убейте!
Хотите, – гоните прочь!

Я пес бездомный, безумный!
Скитаюсь в пустыне горя.
Могу ли мечтать я грешный,
О вашей чистой любви?
Которая... океаны;
Глубокое теплое море;
Родник волшебства и света;
И сладость в алой крови.

Богиня вечных рассветов,
Прекрасная дочь Деметры
Уходит в чертоги ада...
Зачем оставляет мир?!
Позвольте ей остановиться, —
Верните ее Аида
Из пасти мрака и яда
В дышащий Солнцем эфир.

Дитя полночных желаний, —
Вы. можете только это:
Наполнить холодный воздух
Цветением теплой весны;
И сделать черное сердце
Белее первого снега;
Забрать из разбитого сердца
Последние мрачные сны.

СОН КИТОВ

Нам снятся звездные просторы,
И океанов тишина...
Мы спим, огромные, как горы
И с нами дремлет вышина
В которой звезды, как рубины, —
Расплесканная наша кровь.
А здесь спокойные глубины
Нам дарят счастье и любовь.

Понять не могут только люди,
Чей быстротечен долгий век,
Их море, — это шторм и бури;
Холодная как лед вода,
Но с нами теплота и ветер,
И вечность неба, навсегда!

Мы знаем смерть вокруг и рядом.
Мы не были рабами ей!
И в каждом нашем новом взгляде
Спокойствие иных морей,
Когда был человек так молод,
Не оскверненный пустотой
И видел небо с нами вместе
Единой светлой красотой.

Нам снятся звездные просторы,
И океанов тишина...
Мы видим сны,
И безмятежность
Алкает с нами глубина.

Цветы осени

В серебряной коже дракона;
В одеждах тающей осени;
В мелодии неба серого
Богиня утренних звезд
Спускалась на землю хмурую,
Теплом наполняя сладостным
Холодные листья озябшие
Последних опавших роз.

Искрились улыбки милые
Кострами деревьев сказочных
Роняли узоры осенние
Свой самый последний каприз
Казались ветра затихшие
Влюбленно вздыхали радостно
И море кидало к берегу
Свой самый ласковый бриз.

В серебряной коже дракона;
В одеждах тающей осени;
В мелодии неба серого
Богиня утренних звезд
Смотрела на мир задумчиво,
И взоры ее пугливые
Играли с сердцем разбуженным
Листками волшебных роз.

Орифии

Я готов отдать жизнь,
Чтобы только коснуться губами
Нежных пальчиков рук;
Чтоб прижаться глазами к глазам...
И дыхание ловить, —
Быть настолько открытым и близким
К вашей тени, и плоти...
К ее неземным образам.

Снежный мрамор дворцов
Сумасшедшего белого бога,
Ваших темных ресниц
Совершенный волшебный узор
Приведет к блаженству во тьме
Золотая дорога...
И я молча пред вами
Склоню свой блуждающий взор.

И горит мое сердце,
Не веруя что существует
Некий путь к поцелуям
Губ ваших сладких, как мед
На которых закат и рассвет
Откровенно танцует
И безумный Борей
Песню страсти и мук вам поет.

«Белокурый эллин пел вам страстные песни...»

Белокурый эллин пел вам страстные песни
И в глазах ваших небо в сети Солнца ловил.
С теплым светом зари свое бедное сердце
Навсегда в море глаз ваших он утопил.

Было много в амфорах сладостных вин
Разливалось в крои его нега блаженства,
Он мечтал о тепле, но всегда был один.
Кроме вас где искать в мире злом Совершенство?!

Белокурый эллин, вопрошал, – вечно так:
Где есть свет, там темно... где темно нету света?
Или может быть он откровенный чудак,
Поклоняется вам, как заре... как рассвету!

Было много в амфорах сладостных вин
И хватало воды родниковой и чистой,
Свое бедное сердце в море он утопил
Восхищенный улыбкой вашей лучистой.

Песня для Эвридики

Ваши губы, – варенье из спелой клубники;
Ваши руки, – крылья волшебных птиц...
Голос ваш, – словно песня для Эвридики
Что несется над миром не зная границ.

Я Орфей, вашей плотью разбуженный жаркой.
Мое слово, – в ваших глазах и улыбке.
Я умру от сияния звезды слишком яркой...
Сон моих облаков слишком тонкий и зыбкий.

Я явился на свет, чтоб тонуть в вашем взгляде!
Мне не нужно иного блаженства и мук...
Ваши губы, – варенье из спелой клубники!
Пальцы белые нежных танцующих рук.

От того поклонились деревья и травы мне;
От того звери дикие ходят за мной,
Что во мне тайны вашего светлого Солнца
Отражаются неба святой красотой.

Нить Ариадны

В лабиринте ваших улыбок
Я Тесей с обнаженным мечем, —
Пусть мой путь неизвестен и зыбок,
Но поверьте, мне все нипочем!

Я пройду по запутанным далям
Через боль, печаль и пески,
И пойму по истертым сандалиям, —
Цели рядом... безумно близки...

От глухих белых стенок эхо
Мне подскажет где выход, где вход.
Я иду через муки и холод.
Я пройду... я уже не тот...

Я иной! Мертвый воин бог мрака
Перед пропастью и красотой:
Я слепая хромая собака;
Чистый лист с неживой пустотой.

Пустота?! Вашим светом заполнится
Золотая потянется нить...
Даже если судьба не исполнится,
Я бегу, – не остановить.

К звездам

Летит корабль к Альдебарану
Средь звезды и ночную тьму
И снится море капитану,
Пронзающее тишину.

На море с бурей пали тени,
И женщина посмотрит вдаль
С улыбкой сладкой сонной лени
В глазах смятение и печаль.

Луна шептала им о страсти,
А звезды... были далеки.
И подчиняясь тайной власти
Они влекли его, влекли!

Но он был диким страшным зверем, —
Покорной куклой рядом с ней.
А море пело! Пело! Пело!
И становилось лишь больней.

Ведь где-то там, другие страны!
А здесь тепло, и правит ночь...
Но глубоки на сердце раны;
Но он опять уходит, прочь.

Он ищет в небе свои звезды;
Жемчужины, на дне морей...
Все слишком просто! Слишком просто,
Для уходящих кораблей.

И словно пена под ногами;
И словно женщина поет:
«Останься рядом... рядом с нами.»
Зачем?! Меня никто не ждет.

А там вдали играет ветер,
И Солнце светит из-за туч!
Для этой женщины на море
Зверь ловит в небе первый луч.

Летит корабль к Альдебарану.
Давно проснулся капитан,...
И оставляя в сердце рану
Он бредит небом дальних стран.

Знак ангела Лаинаэля

Как мне представить тепло ваших губ?
Вкус соблазнительно-нежный!
Как мне остаться в ваших зрачках
И на ладонях, знаком?

Знаком лучей восходящих огней;
Сердца влюбленного оттиском;
Дрожью безумных взоров моих
И молчаливостью сна:

Красной розой, драконом серебряным;
Отпечатком скрещенных линий;
Бурной рекой и движением призрачным;
Гладью небес, что едва видна...

Спиралью далеких вечных галактик
Созвездием звезд упавших ночью,
И тихим шепотом... тихим шепотом
До неприличия сладким.

«Над гладью воды ваши шаги...»

Над гладью воды ваши шаги,
Как шепот неслышны.
Лишь легкая тень за вами
След в след едва-едва дышит.

Над гладью воды белы облака
И ветер играет.
Зеркальная синь почти не дрожит,
А он все летает.

Он волосы ваши, как будто рукой
Нещадно тревожит;
Губами холодными трогает вас, —
Он может!

Над гладью воды ваши шаги
Так радостно-милы;
И ветер целует ваши следы...
Без силы.

И падает вниз, – случайный каприз, —
Вам в ноги.
И в полночь бежит за вами огнем
По лунной дороге.

Над гладью воды ваши шаги,
Как сказка
О том, что мечты упадут в океан,
Как ласка...

Шепот наяд

Как кентавр поглощает
Грудь небесной сонной девы, —
Чистота и есть насилие!
В каждом выдохе есть тайна
Обреченная на муки
И играющая небом...
Необычное бессилие,
А затем случайный взгляд.
И в руках его дрожащих
Ослепительное Солнце,
Превратилось в отражения
Трех измученных наяд.

И одна из них сказала:
«Уноси ее подальше!
Забери ее из мира
От чужих беззлых душ;
Не робей, и не скрывайся...
Обнажи ее запястья, —
Поцелуями Морфея
Выпей сок ее груди.
И Луна обманет звезды
И низвергнет водопады;
Пусть она уснет остынет,
Только слышишь, – не буди!»

А другая говорила:
«Сети паука приятны
Каждой залетевшей мухе,
Но когда она жива
Ее крылья так трепещут...
Но в конце концов устанут
Ослабеют и утихнут, —
Ветер знает... он могуч,
Когда вор бежит от кражи
Он невольно уступает,
И за ним летят по небу
Стаи темных теплых туч.»

Третья только промолчала,
Улыбнулась так небрежно
Перстень с пальца уронила
В голубой поток воды,
И бежал кентавр дальше,
А за ним река струилась

Его ноша стала легче, —
Он не понял, что отдал.
И влюбленная смотрела
На него в потоке света
Дочь Нерея в лунной маске...
Только он не увидал.

Не бойся, огня!

Тонкие хрупкие плечи;
Сладкий задумчивый взгляд...
Это не утро, не вечер.
В бокале не кровь, и не яд.

Выпей огонь, Маргарита!
Души в огне не горят.
Чаша Пилата разбита,
Руки Пророка болят.

За окнами светят звезды,
Их свет, – это свет фонарей.
Толпятся сонные грезы
У запертых крепких дверей.

Открой. Вот ключ, Маргарита!
И тихо шепчут шаги...
Его дорога разбита, —
На ней не друзья, не враги.

Иди за ним, Маргарита!
Возьми в руки свет его звезд
Он сделан из монолита
Камня, краснее роз.

Не бойся, огня! Не бойся!
Он знает, – слеза чиста.
Смотри в глаза темной ночи
На тень живого Креста.

Страдания Пигмалиона

Ах, сколько я пролил горячих слез,
Целуя ваше мраморное тело,
Которое в объятиях моих глаз
Огнем живым играло и горело!

Ах, сколько стонов я бросал в кровать
Ища изъян на совершенной вашей коже, —
Изъяна нет в небесной красоте.
Вы, – совершенство высшее! И все же...

Моя любовь, – единственный изъян,
Что нарушает суть прекрасных отражений.
Вы, – чистота без края, и границ,
Но человеку хочется движений!

Как глуп создатель ваш! Ему просить
Стать камнем вашей стройной милой ножки.
А он, мечтает вас средь звезд водить
Садами, по украшенной дорожке.

Движение, – это та же пустота!
Лишь красота достойна понимания.
Она сама себя из камня создает,
И жаждет поклонения, и внимания.

Гармония

Ее божественную пластику
Узнаю я и среди теней, —
Она должна над миром властвовать
В сердцах безумцев и зверей!

Ей песни петь должны лишь ангелы
Небес сияющих высот
Таким небесным тихим голосом,
Как будто мед течет из сот.

Ее дорогу изумрудами
Вселенная должна стелить!
И разве можно с осторожностью
Ее кому либо любить?!

Гемон

Аромат ее плоти жаркой
Замурован с потомками Кадма;
И я брошусь на меч свой острый,
Чтоб ладоней ее не видеть.

Моя кровь смешается с ядом;
Побежит по дороге ручьями,
Чтобы встретить ее поцелуи,
И остаться печальной тенью.

Ярко-красное Солнце смеется,
Но меня не согреет небо.
Я холодным останусь в бездне, —
Так жесток рок неумолимый.

Моя кровь ее плоть оденет,
С волосами играя в Лунах;
Наши души достанутся ночи,
И садам Элизия сочным.

Пряный ветер ее ароматы
Недоступные тлению носит...
И поет мое мертвое сердце,
Как она нежна и прекрасна.

Горе тем, кто проснется утром!
Горе тем, кто останется спящим!
Я навеки останусь тенью
Для ее ладоней остывших.

Актеон

Трепещите! Прячьтесь! Скрывайтесь!
Обрекайте меня на муки!
Но я видел в ваших желаниях,
Как пылали огнем мои руки...

За мной по небу гнались собаки;
Меня ветер преследовал всюду;
Моя кровь извергала безумие.
Только и умру, – не забуду!

Не забуду рук белоснежных;
Взоров, полных тепла и лета;
Ваших губ и жестоких, и нежных;
Блеск, погасшего ночью света.

И пока будет Солнце садиться;
Восходить, – восходить вместе с вами;
И пока вы мне будете сниться
Над небесными облаками...

Я в отчаянии сердце спрятал.
Мою плоть разорвали собаки,
А Морфей на вашу подушку
Уронил ярко-красные маки.

Голос ундины

Иди скорее к нам, – здесь холодно, но сладко, —
Мы, дети светлых волн зовем тебя играть.
Отдай скорее нам, жар сердца без остатка!
Средь тишины и грез тебя зовем мы спать...

Холодная вода излечит твое сердце,
А ласки наших тел тебя повергнут в бред.
Поверь, здесь лишь лазурь танцующего неба;
Поверь, здесь вовсе нет, ни горести, ни бед.

Смотри! Смотри на нас! Мы ангельски прекрасны...
Зачем тебе огонь, и в сердце пустота?
Но здесь на самом дне печали все напрасны.
Пусть, мерзнем мы во тьме, – и тьма есть красота.

Рубинами горят глаза наши слепые,
А кожа так бела, как самый первый снег;
Мы чистые, как снег... почти... почти святые.
Иди скорее к нам под наш веселый смех.

Быть может, ты совсем... совсем не любишь море;
И держит на земле тебя твоя любовь.
Не уж-то ты глупец любовь земная, – горе,
А в наших ласках свет, и ледяная кровь.

Ты хочешь изумруд из самой темной бездны?!
Зачем ты нас призвал, роняя капли слез?!
И жаркий сердца стук и трепетное тело...
Иди же к нам живой, под песни ярких звезд.

На кончике языка

Зачем вам разрушать мои иллюзии?
Да я желал бы вами обладать,
Но это лишь печальные окклюзии,
Которых мне увы, не избежать.

Зачем не быть вам моим Солнцем утренним;
Не согревать меня рассветом и дождем;
Моим желанием светлым, чистым, искренним?
Ведь мы чего-то постоянно ждем.

У каждого на сердце груз немислимый,
И так горьки полночные молитвы,
И я об этом помню, говорил...
Играя с лезвием невидимой мне бритвы.

Но я хоть знаю, но о чем не помню, —
Сто тысяч слов, похожих на спасение.
Без света в вас так грустно и тоскливо,
Обычного безумия смятение.

Что вам сказать? Я знаю... и не знаю!
Вы так прекрасны! Это, так не ново.
Но я найду! найду... найду...
То вечное Единственное Слово.

Моей Афродите

Не знала юная Киприда
Рожденная из пены моря,
Что ее взгляды убивают,
И могут к жизни возродить...
Она по берегу ходила
Неосторожная, босая, —
И каждый мог ей восхищаться.
И каждый мог ее любить!

Стекали капли, словно слезы
Безумцев, что ее желали...
Рабы по берегу бродили,
И пели храмы в ее честь.
Сияло Солнце в поднебесье
Чудесной ярко красной розой, —
Из лепестков текли дорожки
В сердца оставленные здесь.

И белой, белой, белой пеной,
И чистотой горела кожа;
Румянец легкий на запястьях
Призывно обещал тепло.
И даже страждущие боги,
Кидали звезды ей под ноги;
И ветры тихие ласкали...
И было так вокруг светло.

Однажды звуки все утихли
Прошли во тьме тысячелетия,
И вновь она пришла на берег
К окаменевшим перед ней.
И то что стало льдом холодным
Насытив взоры, засияло...
И превратилась в сказку ночи,
И в ласку теплую морей.

«Вы так прекрасны! Так жестоки...»

Вы так прекрасны! Так жестоки
В моих немислимых надеждах.
Я в вас оставлю свое Солнце
И бесполезные мечты, —
Мой трон на обнаженном теле,
И в поцелуях на одежде,
Разорванных во мраке ночи
Как совершенные цветы.

Зовут к вам губы прикоснуться;
Наполнить кубок тайным светом
Нетленным светом и могучим
На сладкой коже на спине.
Умыться сладкими руками
Самозабвенно восклицая,
И оставляя крикам тени,
Что приближаются ко мне.

Молочных ваших бедер нежность, —
Луна, застывшая на небе;
Глаза, как ярость серафимов
И песни звонкие огня.
Сердце владычица и страсти,
Прими как пытку восхищение.
Прими, прими мое безумие
В объятиях ночи, или дня.

Воздай мне должное за это!
За преклонение, и за слабость.
Я слаб пред светом вашим чистым,
Тревожен, скован красотой.
Когда я руки для объятий
Готовлю ваших, — точно знаю
Не совладать мне с своим чувством
И с вашей теплой чистотой!

Пусть перед вашими стопами
Не мне всходить рассветом новым,
На ваших тонких дивных пальцах
Останутся мои черты.
Вы так прекрасны! Так жестоки,
В моих желаниях несуразных.
Вы словно спящий ангел неба. —
Глоток моей святой воды.

«Я глаза опускаю, не в силах смотреть, ...»

Я глаза опускаю, не в силах смотреть, —
Но я вижу ваш взгляд, и невольно робею,
Я бы рад был огнем перед вами гореть.
Но простите, я вспыхнуть, увы не посмею..

Я смирен вашей воле, подвластен грехам;
Я не более, чем лист упавший на землю!
Только весь этот мир поет вашим шагам,
И я то же ему подчиняюсь, и внемлю.

Внемлю голосу сфер неземной красоты;
Внемлю теплому ветру, и вечному небу.
В ваших взглядах ловлю святость и чистоту,
И слагаю хвалу о сиянии Фебу.

Словно греческий бог меня может услышать,
И сказать мне все тайны всех слов и стиха.
Моя вечная муза, – во мраке надежда, —
Ах зачем, я рожден был в бессилии греха?

«В храме Афродиты сладострастной...»

В храме Афродиты сладострастной
Полюбил я жрицу молодую.
Осторожно целовал ее я груди,
И смотрел в бездонные глаза.
И она сказала: «Милый путник,
Приходи ко мне сегодня ночью,
В час, когда погаснут в небе звезды
И пройдет вечерняя гроза.

Я зажгу все свечи восковые;
Застелю нам ложе белым шелком.
Приходи ко мне сегодня ночью!
Милый путник, позабудь весь мир.
Я с тобою буду откровенна,
И открою все секреты счастья.
Посмотри, дрожат мои ладони, —
В них танцует призрачный эфир.

Это то, что было до рождения
Всех живущих, трав и даже неба.
Милый путник, слышишь
Стук в моей груди?
Мы откроем ночью тайны мироздания, —
Будь со мною тихим,
Как огонь опасным.
Путник, милый путник... даже не дыши!

Задержи дыхание. Посмотри на небо.
Там темно и жутко,
Только ветер ждет.
Он со мной играет, – он меня целует.
Приходи, я жажду твоего тепла
Я смотрю на небо, как сгорают звезды
И в глазах темнеет, а душа светла.»

И прокравшись тихо, задержав дыхание
Шел по коридорам я к ее двери.
А за мной неслышно в темноте крошечной
Звуки танцевали ее нежных слов.
Павший на колени, стоп ее касаясь
Я остался пленник, – раб ее шагов...

ЭНДИМИОН

Целуй, целуй меня Луна, —
Но что мне от горячих поцелуев?
Смотри в мои глаза и пой,
Как хорошо во тьме ночей!
Целуй меня Луна, целуй,
Но от твоей безумной страсти
Не станет мне в глазах прикрытых
Ни радостней, ни горячей.

Зачем мне жить? И вечно спать?
И видеть сны, в которых так
Луна прекрасна и тревожна?
Необъяснимо горячо...
Ах, если мог бы я страдать.
Она чудесна, невозможна!
Ах, ласки сладкие ее,
Из теплых слез...
Мне не рыдать!

Целуй меня Луна, целуй!
Как тихий ветер ты прекрасна
Прохладой в самый жаркий зной.
И осени печальный лист,
Я ласки жаркие твои
Не оценю, – целуй напрасно!
Нет, я не холоден.
Я просто бездонно пуст,
Бесследно чист.

Ослепший Эдип

Когда Эдип смотрел на тело Иокасты
На плитах мраморных фиванского дворца,
Он был рабом своей безумной страсти,
И в тенях видел свет ее лица.

Он не желал бы верить, или царствовать!
Зачем же боги так жестоки, и немые,
И отобрали душу ее светлую...
Младенца, – странника своей родной страны?

И вот она, – упавшая, и милая.
Ей слова не сказать, и не погладить рук.
Он ей когда-то говорил: «Любимая...»
Теперь же он достоин всяких мук.

И вот следы на теле ее сладостном;
Стекают капли крови темной вниз.
И пряжки золотые платья белого
Исполнят свой божественный каприз.

Он не увидит света, или времени, —
Пусть не наступит больше день и ночь!
Он был спасителем, а ныне пленник изгнанный,
И эту боль никак не превозмочь.

Как горек плод безумного познания,
Отца убивший возжелавший мать,
Как погасить огонь живого пламени?
Да, лучше умереть, и не узнать!

Любовь и рок, – судьбы печальной вестники
Как вырвать сердце?! Вырвать навсегда!
Все сбылось, то что бедами начертано
Прошли беспечные и долгие года.

За что платить, и чем теперь позволено?
Не видеть этот мир, и не желать.
И пряжки золотые, платье белое, —
Позвольте боги, вечно мне страдать!

СНЫ И НАКАЗАНИЯ

Я помню бал, и в танце мы кружились, —
Босыми ножками вы стали на паркет.
А может, мне вы попросту приснились,
Как свет в глазах, которого уж нет.

Вечерний полумрак, как полы платья...
Вы так прелестны, – ангел во плоти,
И сам Христос сияет на распятии.
Помилуй Боже, и желания воплоти!

Я обнимал вас, и легко касался кожи
Чудесных пальцев рук и тонких плеч.
Помилуй душу страждущую, Боже!
Я больше не могу ее беречь.

Вы танцевали и босые ноги,
Казались счастливы в течениях теплых рек.
Вы если бы прошли мои дороги.
Ах, да... вы знаете, – я только человек.

Я буду вечно помнить ваши взоры,
И пальчики чудесных ваших ног.
В разбитом сердце моем алые узоры...
За что наказан я, мой Вечный Бог?

Потоп

Дайте выпить мне кровь из чаши лукавства,
И позвольте смотреть вам без страха в глаза.
Я лишь тень, – я иллюзия вашего царства:
Дождь идет в темноте, и играет гроза.

Дайте взглядам моим на губах раствориться.
Не ругайте меня! Не ругайте, молю!
Может быть, вам не стоило ночью мне сниться?
Но поверьте, я вас беззаветно люблю.

Кровь и розы; и Солнце, палящее зноем;
Аромат ваш, и танец божественных рук,
Пусть не стану для вас я спасителем Ноем, —
Я тону, – только вам не узнать моих мук.

И в толпе вам меня не увидеть, наверно,
Тех кого смыла за борт ночная волна.
Среди тысячи душ, я, – песчинка примерно.
Пожалеет меня лишь больная Луна.

А из рук ваших вылетят в небо три птицы.
Лишь одна возвратится с ветвью оливы.
Раньше бы поклонились вам мира царицы...
Только взгляды мои, слишком нетерпеливы.

Песни пробуждения

Когда-нибудь закончатся слова,
А мысли станут блеклыми, как тени.
Я упаду в глубокий вечный мрак,
И просто, перед Богом на колени.

Когда-нибудь устанет сердце ждать,
И остальное станет все не важно.
И я пойму, что я смогу отдать
Лишь только небу свою истинную жажду.

Сгорит костер, – останется зола;
Неторопливо оглянусь назад, что будет?
В том мире, где нет света и тепла
Одна тоска вовек со мной пребудет.

Безумных ангелов чарующий полет
Откроет ваши сонные ресницы;
И ночь окончится, растает тьма и лед...
Мой лед в глазах моей таинственной царицы.

Когда-нибудь очнется этот мир,
А одиночество отбросит свои цепи.
И зазвучит молчанием эфир,
Распространяя всюду песни эти.

«О Галатея, – аромат тепла и страсти...»

О Галатея, – аромат тепла и страсти;
Прекрасных глаз таинственный укор...
Душа моя всецело в вашей власти,
А я пылинка, грязь и прах, и сор!

Создание света, – я не ваш создатель!
Я только замерзающий поэт.
Пусть грешник. Не убийца. Не предатель.
Но без огня, что в вашем сердце, – меня нет.

Помилуйте меня, так боги только могут.
Простите мне на вас безумный взгляд.
И только боги, знаю... мне помогут
Сгореть в огне, которым я объят.

О Галатея, – грез безумный запах!
Губами слабыми мне пасть на вашу грудь...
Вы, словно жертва в мягких зверя лапах,
Его мучения ваш завершённый путь.

«Мои шаги тихи, неслышны...»

Мои шаги тихи, неслышны...
Крадусь я, словно леопард
За тенью солнечной богини, —
И тень ее мне дарит ночь.
Мне холодно, я умираю...
Как тяжело идти, и прочь.

Ее теплом наполнен воздух,
Я чувствую ее дыхание,
Но легкий шаг ее прелестный
Уходит от меня, куда?
И в странных темных катакомбах
В волшебном облике богини
Блуждаю я безумно долго, —
Бегут столетия и года.

Вот вы на миг остановились.
А я подумал, – это счастье,
Я так хотел, чтоб вы пронзили
Мне тело пальцами насквозь.
И темнота вдруг расступилась,
Что стало так светло и ярко...
Но оказалось с неба хлынул
На землю долгожданный дождь.

И он следы целует ваши.
Ах, как он смеет?! Как он смеет!
Мне глаз своих не отвести
От ваших тающих следов.
Наверное, и я могу?
Нет! Только дождь один умеет
Вас за собою в страстном танце
От моих взглядов увести.

Дождь и ваши улыбки

1 Утонуть.

Дождь и ветер
Ревет и стонет,
Только я тону в ваших улыбках.

2 Дождь и звезды.

Ваши взоры прекрасны,
Как ночью звезды.
Только ночью, – дождь мои слезы.

3 Сон.

Дождь, как ваши поцелуи.
Я промок,
И сон мне снится.

4 Красные капли.

Теплый дождь в моих ладонях.
Искусайте мое тело, – капли красные,
Как губы, что касались осторожно.

5 Песни облаков.

О скорой осени, о проливном дожде, —
Поют мне облака.
А море, – ваши взгляды.

6 Вечерняя прохлада.

И дождь пройдет, и ветер принесет
Ваш аромат
Прохладой снов вечерних.

7 Прошлое.

Ветер только раздует огонь
Солнца красного на закате.
Был ли дождь, когда кругом лужи?

8 Ваши руки.

Вы жару унесли дождем, —

Ваши руки его послали.
Только в сердце огонь все жарче.

Улыбка.

Я не помню,
Когда пошел дождь
Может быть, когда вы улыбались.

«Будьте моей Эвридикой...»

Будьте моей Эвридикой
Такой недоступной и близкой.
Спелой, как губы клубникой,
Спящей в траве низкой.

Будьте моим желанием;
Теплым дождем лета;
Или тихим признанием
Тайного теплого света.

Станьте моей одеждой:
Не грехом, но соблазном,
Самой безумной надеждой,
Самой... самой прекрасной!

Будьте моей Эвридикой!
Слушайте мои песни.
Розой... лесной земляникой.
Жаль нам не быть, верно вместе.

Долгая боль, разлука, —
Сердце разбито на части.
Мука! Какая мука!
Не видеть в вас грез и страсти.

Долго блуждать, как Орфею
Мне дорогами ада,
Чтобы вновь насладиться
Чистотой вашего взгляда.

Ночное море

1 За Солнцем.

Синее море шумит... и чайки
Ветром летают вместе с волнами, —
Труп мой плывет на восток за Солнцем.

2 Закат.

Красный диск в облаках потерялся.
Думал я, что любовь уходит,
Только море пришло за мною.

3 Песня ветра.

Ветра нет, не шумят уже травы;
Даже жарко еще немного, —
Только вам поет мое сердце.

4 Где вы?

Если нет в руках больше силы.
Если нет в глазах былой боли...
Где же вы, — знает только море.

5 Три вороны.

Три вороны каркали, — горе!
Три вороны кричали, — беда!
Я их не слышал, и мне... не жалко.

6 Далекое.

Далекое горизонт и небо;
Далекое и Луна, и Солнце.
Почему же и вы далеко?!

7 Беззвездное небо.

Вот... и нет еще звезд на небе
Только Солнца уже не видно.
Ваши руки во тьме я не видел, — но и что?
От того не легче!

8 Тоска.

Сердце плачет, душа тоскует...
Только смерть моя ходит кругами.
Я за вами, – а вы не со мною.

9Слезы ангелов.

Белое и голубое, – ангелы плачут у моря.
Желтый песок и скалы,
Тело мое примите!

10Ароматы желаний.

Свежесть, – как ваше тело, —
Ароматы желаний...
В море тонуть и плавать.

11Дождь.

Там где погребло Солнце;
Там, где Луна не явилась.
Вы им пришли на смену, слезы моей печали.

12Жемчуг.

В море упал ныряльщик,
Но не достал он жемчуг...
Ярче любого моря ваши глаза мне светят.

13Не спрашивай.

У куста болиголова я спросил:
«Что будет утром?». Он ответил:
«Ты увидишь, и омоешь день слезами.»

14В траве высокой.

Я упал, безумный в травы
И не двигался так долго,
Что сказали вы наверно:
«Это труп в траве высокой.»

15Ночь.

Я люблю ее, как море...
Глубины ее глаз, сладких!
Почему же ночь жестока?

Парис, зовущий смерть

Когда же ты придешь, красавица за мной?
Я слышу голос твой... и ароматы тлена,
Как будто ночь смыкает веки тишиной,
И снится мне прекрасная Елена.

Мне смерть дороже ваших страстных глаз,
Меня пронзающих не ведая преграды.
Могу ли я быть соблазнителем для вас?
Нет и на небе сладостной награды.

Хоть миг, хоть век! Пред вечным долгим сном
Я должен плотью вашей насладиться.
Нет сложного ни в сложном, ни в простом...
Мне нужно умереть, чтобы родиться.

Но вот он свет прекрасных ваших глаз!
А я Парис? Но я наверно, умер.
Как горек мир безумия без вас!
Поверьте, я безумней, чем безумен.

Я смерть приму, лишь помня слабость рук,
Что трогали вас с дрожью ювелира.
Не передать восторг мне этих мук, —
Не справится и Аполлона лира.

Прекрасная Елена, словно вор
Я в черном весь, и нет... мне нет спасения!
Так будь же на расправу быстр и скор,
Данаец в сердце не имеющий прощения!

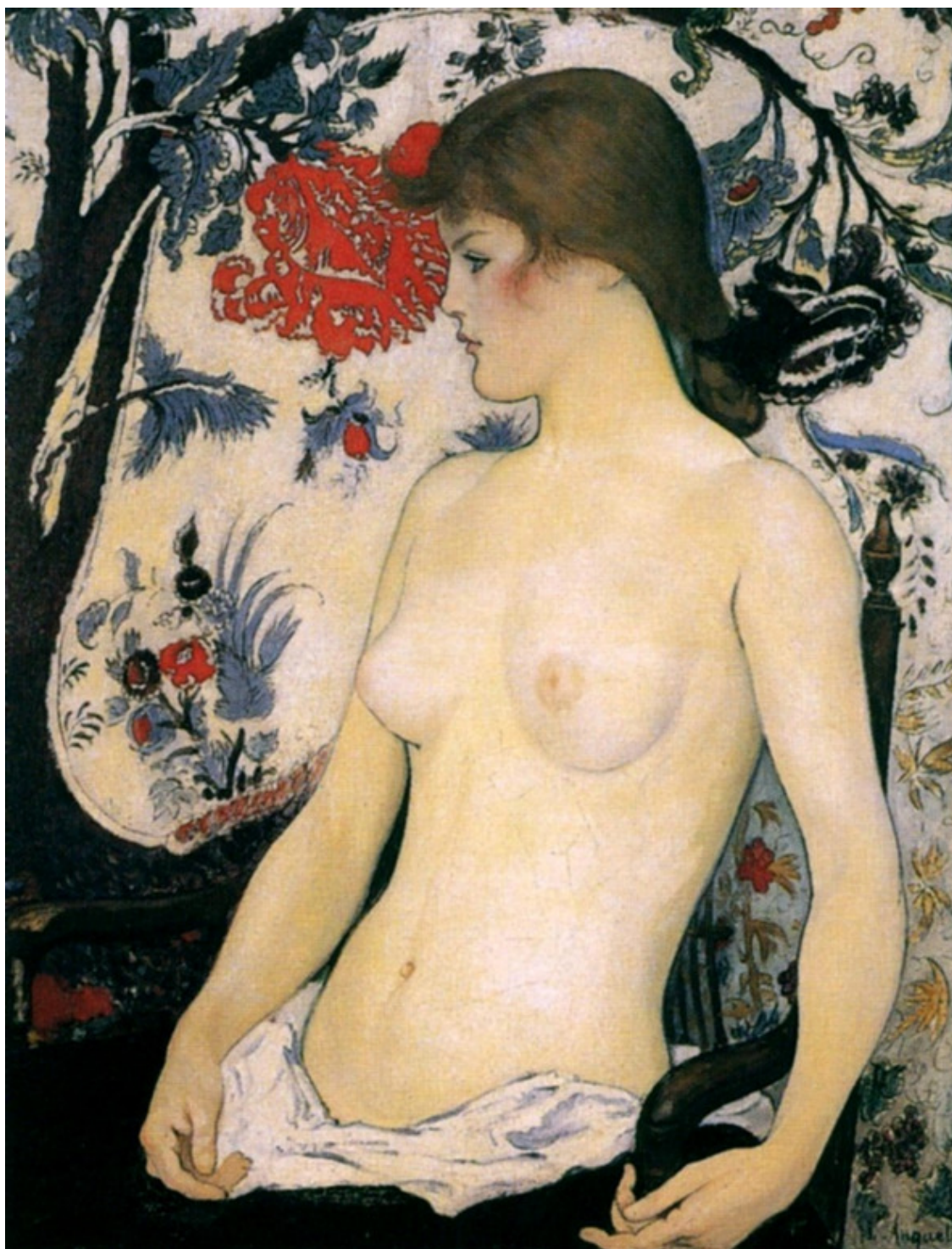
«Никто мне так не улыбался...»

Никто мне так не улыбался
И не смотрел в мои глаза.
Да, я не мог подумать даже,
Что сердце вдруг зажжет гроза.

Она тиха и безответна, —
Она горит во мне стихом.
Ее назвать безумием можно,
А можно и моим грехом.

Я в ваших взглядах незаметен,
И может, недостоин их.
Но для чего ваш взор так светел
В любых желаниях моих?

Когда ко мне приходит утро,
Скажи мне свет, зачем я жив, —
Я словно умерший, как будто...
Без вас, что благодать горних нив?!

«Как украсть мне ваше сердце?..»

Как украсть мне ваше сердце?
Где к нему найти ключи?
Как подкрасться незаметно
Темным призраком в ночи?

Как украсть мне ваши взгляды
Из изменчивых зеркал,
Чтобы их огонь во мраке
Только для меня мерцал?

Как привлечь мне ваши губы
Заманить их навсегда
В мои сны, что так печальны,
Как ушедшие года?

Как запутать ваши руки,
Чтобы их заставить петь?
Ах, какие это муки!
Ни найти ни цепь, ни сеть...

Как украсть мне ваше сердце?
Заманить ваш сладкий взгляд,
Там где ангелы танцуют, —
Там в огне мой рай и ад!

«Гордись, жестокий бог любви...»

Гордись, жестокий бог любви,
В твоих руках вся власть,
А стрелы острые твои
И боль, и смерть, и страсть!

И даже ты своей стрелой
Сражен однажды был, —
И ты безумие познал,
И мучаясь... любил!

Во тьме искал ее ты глаз
Печальный лунный свет,
Но ослепленный красотой
Ее не видел, – нет!

Рыдая ты ее любил
Сливаясь с ней во тьме,
И умирал, лишенный сил

В безумном страшном сне

Боялся ты, а вдруг она
Растает как туман,
А в небе полная Луна
Скрывает лишь обман.

И каждый раз дрожа от слез
Ее ты имя звал
В мир совершенных теплых грез,
Где свет небес пылал.

Корабль

Упало Солнце в гладь морей.
Вы были ангельски чудесны,
Среди огромных кораблей
Как нежный ветерок прелестны.

Метались флаги, паруса...
И улетал корабль в сказки;
Гремели громом небеса,
Как ваших губ безумных ласки.

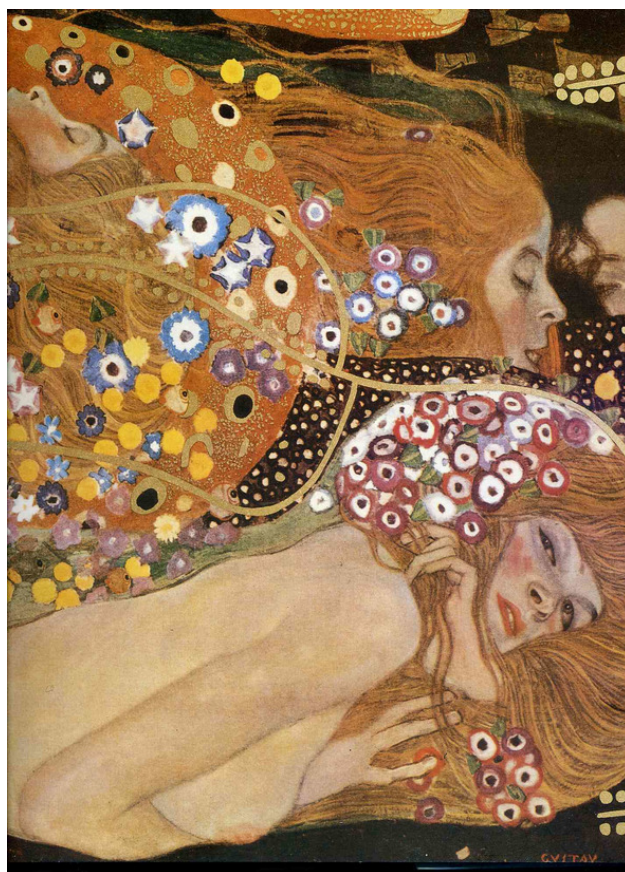
А я стоял на берегу,
Один... и тихо-тихо плакал;
За кораблями на бегу
Небрежный дождь на землю капал.

Он звал вас танцевать и петь
Песку горячими ногами,
И золотая Солнца сеть
Была раскинута богами

Для ваших глаз, улыбок... рук;
Для плоти жаркой, невозможной.
Не хватит ни игры, ни мук
Картины неба, слишком сложной.

И Колизей кричал, – убить!
И капитан кричал, – оставить...
Я буду вечно вас любить.
Как? Даже не могу представить.

На мачтах белых кораблей
Я видел вас бесшумной тенью,
И уплывал за вами вслед
С вечерней безутешной ленью.

«Поэт приходит в мир с душою обнаженной...»

Поэт приходит в мир с душою обнаженной.
Поэт к страданию и горечи привык.
К реальности больной ему далекой
Он может только бросить гневный крик.

Ему нужны: иллюзии и вера;
Танцующие музы и ветра;
Он смотрит мир с улыбкой лицемера.
И спит, наверно, с самого утра.

Тягучий сумрак ночи, словно сказка;
Глаза увядшие, как гладь зеркальная воды;
Ему не предназначенная ласка
Грозит коварством пламенной беды.

Но крик его разбудит и глухого,
А сердца кровь как слезы, и как яд.
Нет среди звезд сияния такого,
Как отраженный ваш случайный взгляд.

Никта

Вы как ночь: небрежные волосы;
Сладкий дымный вкус орхидей...
Ваши руки играют со звездами,
Наполняя сердце сиянием.
Я дрожу, я не в силах справиться
С охватившим меня желанием.

Под вуалью вашей сокрытые
Небеса такие прекрасные,
Словно в них и Луна отражение
Вашей радости, ваших улыбок, —
Это время снов, затмевающих
Мир, который прозрачен и зыбок.

Я у ног ваших в темном зареве
Снизшедших шагов ваших сладостных.
Я не в силах ни жить, ни двайгаться
В откровенных соблазнах трепета,
Так похожи слова мои грустные
На напевы детского лепета.

Ваши волосы, – травы пряные!
В них моим рукам бы запутаться,
На подушках из мака красного
Так приятно дышать грезами;
Целовать следы ваших пальчиков
Из зеркал губами, и розами.

Потерянный рай вашего взгляда

Почему я вас вижу, и мне не понять, —
Это счастье, и пропасть! Это счастье, и пропасть!
Мне руками безвольными вас не обнять...
Долго падать. Какая глубокая пропасть!

Если дно ваших глаз, хоть на самом краю,
Где ресницы смыкаются с небом и сказкой, —
Я как капля, упавшая Солнцем в раю;
Я, звенящий хрусталь вашей тронутый лаской.

Мне не знать неземного тепла ваших губ.
Мне их сладость, как сон о Еве Адаму...
А на яблоке сочном тепло ваших губ
Начинает опять эту новую драму.

Но зовет вас Господь в мой потерянный рай.
И быть может, сюжет до конца изменился.
Если знал бы я где этот сказочный край,
Я хоть каждую ночь вам Адамом бы снился.

Когда я смотрю на вас, я где-то далеко.
Я вижу каждую мельчайшую частицу
вашего тела, каждое движение.
Время для меня замирает и умирает
одновременно. Я не понимаю, что со мною
и где я, — будто открылись врата рая
и преисподней.
И я падаю! Падаю! Падаю!
И больше нет ни меня, ни вас, а ваше
лицо, — это океан в котором я тону.
Реальность уходит. Остается только
бесконечное падение в вечность.

Богиня, кто вы?!
И кто я для вас?!
Безвольный жрец,
Застывший на секунды,
Чтоб пронести сквозь век
Свет ваших глаз,
И в жертву кровь
На алтаре оставить.

И мой алтарь, —
Живая ваша плоть,
Которая покорна моим взглядам.
Ее тепло меня хранит во тьме,
А ваши взоры, как кинжал
Безвинной жертве.

Моя душа у вас в руках.
И вашим пальцам
Достаточно лишь сделать
Некий жест, —
И кровь моя дождем из сердца хлынет;
И сладостью вина
Вас напоит.

Простите мне,
То время когда я
Блуждал во тьме
Не зная вас, не видя;
Не чувствуя бесчувственность вокруг,
Которая затмила разум слабый.

Но ныне я душа и тело, – ваши!
Я безраздельно вам принадлежу!
Молиться вам, как облакам плывущим,
Не находить покоя.
Пусть, страдать...
Какую же вы выберете жертву?

Пляски под Луной

Трепетали бледные запястья;
Танцевали острые ножи.
Словно не от муки, а от счастья
Проливались звездные дожди.

Теплых слез искрящиеся капли;
Сладкая пылающая кровь;
Засыпающее в темноте сознание, —
Это смерть, и вера, и любовь.

Как клинки по вашей белой коже
Страстно зачарованно скользят...
Только миг, помилуй Светлый Боже,
Вам они нисколько не грозят.

Пусть осталось бездыханно тело.
Пусть, его услада лишь дожди,
Но оно сияло и горело,
И оно вернется, – подожди.

Принесенной жертвой в диком танце
Сущностям, которых не понять
Ваша плоть напоенная бездной
Станет белым ангелом летать.

Даже если среди хаоса, и скуки;
Даже если среди ада, и песка...
Танцевали сладко ваши руки, —
Жертва ваша Господу близка.

«Дымный тонкий аромат от ее манящих пальцев...»

Дымный тонкий аромат от ее манящих пальцев;
Ядовитое вино ее губ, как сладкий мед.
В ней горит огонь ночей пересыщенный страданием,
А в глазах лишь пустота и холодный тонкий лед.

Он растает, как река от твоей последней муки, —
Только этого и ждет от тебя дитя ночей.
Вот тебе она подаст бледные, как стужа руки,
И погаснет в темноте пламя восковых свечей.

Нет прекраснее на свете долгожданного свидания.
Почему же всем так страшен ее призрачный приход?
Нет на всем безмолвном небе неожиданной создания;
В ней конец всей дольней жизни, и единственный восход.

Ее губы, – кровь и страсти, – вкус которых знает каждый.
Она всякого одарит в свой положенный нам час.
В ней печаль, но избавление от любой безумной жажды.
Лишь она средь всех обманов бескорыстно любит нас!

Убегающая Дафна

Зачем ты убегаешь, глупое дитя?
Тебя не трону я. Совсем не трону!
Я приготовил для тебя любя,
Из Солнца и из звезд небесную корону.

Зачем, стремишься ты все дальше от меня?
Твои следы меня влекут все ближе.
Остановись, прелестное дитя.
Молчите травы, и деревья, – тише!

Я оглядел лучом своей зари, —
Вокруг прекрасней нет мне милой девы.
Не убегай, прошу тебя... замри.
Послушай мои грустные напевы.

А хочешь?! Стану петь тебе всю ночь,
Или порву все струны на кифаре.
Не ускользай так скоротечно прочь.
Не прячься, дева, в травах и тумане.

Тебя поймаю я, – я быстр и скор,
Среди богов не знал я поражений.
Тебя найдет мой лучезарный взор,
Оставит плоть и разум без движений.

Увы, хотя не стала ты моей,
Но обнимал твое я дева тело...
И лавровый венок венчает мне чело, —
Твое тепло, что сердце не согрело.

Под сенью ваших белоснежных крыл

Если бы увидели ангелы небесные
Ваши белоснежные крылья совершенные,
Что белы, как облака в вышине сияющей,
Что подобны Солнца небе взошедшему.

Пали бы ангелы в печали безнадежные,
Ибо крылья их не так чисты пред Господом;
Ибо крылья их не так белы сиянием,
Как улыбок свет волшебных ваших сладостных.

Если бы увидели ангелы небесные
Совершенство плоти вашей, словно музыку, —
Музыку небесную слова созидания,
Что по Воле Господа мир явила сказочный.

Разве стали б ангелы думать о сиянии;
Разве бы смогли они позабыть, что видели?
Их глаза ослепшие чистотой сгоревшие...
Их сердца пылали бы тем, что им несвойственно.

Смог бы я приблизиться, если был бы ангелом?
Смог бы в облаках парить взглядов ваших ласковых?
Если суждена мне смерть, то в падении горестном
От небесных ваших глаз в землю беспрестанную.

«Моя звезда зажжется вскоре...»

Моя звезда зажжется вскоре
На этом небе суматошном.
И я скажу, – смотрите люди,
Как ласковы ее лучи!
Как в темном облаке туманов
Средь холода и вечной стужи
Ее объятия осторожны...
И так безумно горячи.

Зачем вам, люди, ее имя?
Она на небе светит ярко!
Ей незнаком сей мир жестокий;
Она так радостно-нежна.
Она зовет в тень теплой ночи,
И мимолетно ускользает;
Ей зло неведомо, и скорби.
Она прекрасна... и жива!

Ее восход, как смех лучистый,
Что полон сладости и неги;
Что ввергнет ангелов в смятение;
Заставит ветры замолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.